

В императорском кабинете Чжао Линь сидел с самым скорбным выражением лица.

В этот момент он почувствовал себя так, будто снова пишет дипломную работу: то стул казался слишком жестким, то рукава халата — чересчур широкими. Ли Чуаньсинь метался вокруг, как заведенный, но Чжао Линь все равно не мог найти себе места.

Наконец Хо Цин произнес холодным тоном:

— Если Вашему Величеству настолько неудобно, быть может, стоит обсудить дела стоя?

Чжао Линь мгновенно присмирел. Увы, его кумир был им недоволен.

Наставник Линь лишь отвел взгляд, а Ян Цун и вовсе не смел поднять глаз. Три взрослых мужа, застывших перед ним, словно стражи у ворот, действовали Чжао Линю на нервы.

— Подать стулья, — буркнул он.

Ли Чуаньсинь поспешно жестом велел юным евнухам принести кресла для трех сановников. Хо Цин, не церемонясь, опустился на сиденье и спросил:

— Зачем Ваше Величество призвали нас? Надеюсь, вы наигрались в винные пруды и мясные леса и теперь не собираетесь забавляться с золотыми и серебряными горами?

Слышите? Какая неприкрытая ирония. Хорошо еще, что он не настоящий император, иначе не удержался бы и приказал казнить наглеца.

Чжао Линь молча закатил глаза и перевел взгляд на Ян Цуна:

— Ян Цун, отвечай честно: сколько денег осталось в государственной казне?

Ян Цун был в затруднении:

— Ваше Величество, денег там действительно не осталось. Разве что крысы да тараканы в избытке.

Чжао Линь не поверил своим ушам:

— Но ты же только что говорил, что треть суммы предназначена мне?

— Те средства хранятся не в государственной казне, а в личной сокровищнице Вашего

Величества.

Чжао Линь наконец выдохнул и, прижав ладонь к груди, проговорил:

— Напугал до смерти! Нельзя ли говорить помедленнее?

В душе Ян Цун разочаровался: он-то надеялся, что император наконец взялся за ум, но тот беспокоился лишь о том, хватит ли ему денег на развлечения. Впрочем, лица Хо Цина и наставника Линя оставались невозмутимыми — они давно привыкли к подобному. Хотя на самом деле Хо Цин был далеко не так спокоен: зная, что этот император-собака не исправится, он все равно испытывал отвращение к его эгоизму и жажде праздности.

Чжао Линь, ничего не заметив, широким жестом приказал:

— Позвать кого-нибудь, передать указ.

Ли Чуаньсинь склонил голову и подошел ближе, скрыв лицо в тени.

— Моя воля такова: открыть личную сокровищницу, все средства отправить в Шаньдун на помощь пострадавшим от бедствия.

Ли Чуаньсинь остолбенел — это был второй раз за день.

Чжао Линь с любопытством обернулся:

— Ты что, приболел?

Устал — так отдыхай, мы же не капиталисты, чтобы работать без выходных.

Но Ли Чуаньсинь внезапно опустился на колени:

— Ваше Величество, это категорически невозможно!

Чжао Линь удивился:

— Разве спасение людей — это не благое дело?

Ян Цун подхватил:

— Безусловно, благое. Но как Ваше Величество может гарантировать, что эти деньги дойдут до нуждающихся? Если в итоге народ останется без крова, а у казны не будет средств на содержание двора, у императорского дома не останется путей к отступлению.

Чжао Линь оставался по-детски наивен:

— Неужели коррупция достигла таких масштабов?

Хо Цин усмехнулся:

— Ваше Величество, вы что, только сегодня открыли глаза на собственную империю?

Чжао Линь разозлился — ну и мастер же этот человек язвить!

— Тогда, премьер-министр Хо, что вы предлагаете? Где в столь короткий срок взять столько денег?

Хо Цин впервые посмотрел ему прямо в глаза:

— Прежде чем ответить, у меня есть вопрос к Вашему Величеству.

— Говори.

— Среди четырех проблем, представленных чиновниками, наводнение в Шаньдуне меньше всего угрожает государству. В конечном счете, это лишь гибель нескольких беженцев. Почему же Ваше Величество решило потратить все личные сбережения именно на них?

Это была проверка. Но Чжао Линь, будучи самым обычным студентом, не понимал этих хитросплетений и ответил вполне естественно:

— Вода может как нести лодку, так и опрокинуть ее. Неужели премьер-министр этого не понимает? К тому же, из четырех областей именно в Шаньдуне люди отчаяннее всего борются со смертью.

Ян Цун и Ли Чуаньсинь молчали. Наставник Линь тяжело вздохнул.

Помолчав, Хо Цин произнес:

— Если Ваше Величество не шутит, у меня есть план.

— Я, разумеется, серьезен. Слушаю тебя.

— Кошель с деньгами находится рядом с Вами, незачем искать его далеко. Среди чиновников полно зажавшихся коррупционеров. Достаточно прижать любого из них, и средств на помощь хватит, не придется тратить личную казну.

Чжао Линь проигнорировал его колкость и хлопнул в ладоши:

— Отличная мысль! Живо подать список самых богатых.

Наставник Линь неловко кашлянул.

Хо Цин добавил:

— О, говорят, богатства семьи Линь могут сравниться с государственными.

Глаза Чжао Линя тут же впились в наставника. Тот мгновенно покрылся холодным потом:

— Ваше Величество, насколько мне известно, министр министерства работ Хуан Тайхэ обладает огромным состоянием, которое он нажил, разворовывая средства при строительстве Ваших садов.

Чжао Линь причмокнул губами: недвижимость, значит? В какую эпоху ни попади, а деньги везде одинаковые. Конфисковать!

— Позвать людей, передать указ: провести обыск и конфискацию!

Ли Чуаньсинь почувствовал, что сегодняшний день он не переживет, и, рискуя жизнью, проговорил:

— Ваше Величество, ни в коем случае!

Чжао Линь недоуменно посмотрел на главного евнуха:

— Что опять?

Хо Цин невозмутимо пояснил:

— А что еще может быть? Этот Хуан Тайхэ — крестник Вашего Величества, человек князя-защитника Ван Шо и великого наставника Вана.

Чжао Линь хлопнул себя по лбу: как он мог забыть о такой важной фигуре?

Ван Шо был личным евнухом императора Шэн-лина, он вырастил его с малых лет. В детстве будущему императору пришлось несладко, и именно Ван Шо защищал его, помогал строить планы и взойти на престол. После коронации император Шэн-лин почтил Ван Шо титулом приемного отца, годами осыпал милостями, даровал титул великого наставника, а затем и герцога, передав ему даже военную власть. В те времена, хотя Хо Цин и занимал пост премьер-министра, по реальному влиянию при дворе никто не мог сравниться с этим первым евнухом Великой империи.

Не зря император Шэн-лин прославился: за время его правления в стране выросли и величайший евнух, и величайший сановник-узурпатор, а все десять детей были воспитаны в пороке. Если бы составляли рейтинг худших правителей, Шэн-лин точно вошел бы в тройку лидеров.

Ли Чуаньсинь дрожащим голосом произнес:

— Ваше Величество, князь-защитник сейчас возглавляет армию в походе против князя Цзянся. Если Вы тронете господина Хуана сейчас, это может охладить пыл воинов.

Интересно, боится ли он за пыл воинов или за то, что Ван Шо поднимет мятеж? Как тонко сказано — если бы Чжао Линь не смотрел сериал, он бы точно не понял намека.

Видя, что крупная рыба прямо перед носом, а поймать ее нельзя, Чжао Линь пришел в ярость:

— Тогда скажи, кого трогать? Если тебя — у тебя есть деньги?

Ли Чуаньсинь от страха осел на пол. Чжао Линь не собирался сводить с ним счеты — он же стремился стать народным предпринимателем.

— Ладно, вставай. Иди принеси мне другой чай, этот слишком горький.

Ох, как же ему хотелось сладкого чая из Мэй-сюэ-бин-чэн.

Ли Чуаньсинь поспешно удалился. Чжао Линь подпер щеку рукой, пытаясь вспомнить хоть что-то из истории, чтобы найти крупного коррупционера, который не был бы связан ни с кем из влиятельных кланов. Но в голову ничего не приходило.

Он с досадой посмотрел на наставника Линя. Неужели правда придется казнить старика?

Наставник Линь, только успевший согреться на стуле, снова почувствовал, как холодеет спина. Он тут же вскочил, готовясь предложить кого-нибудь другого в качестве козла отпущения.

Чжао Линь махнул рукой:

— Оставьте. Пусть каждый из вас составит мне список из десяти человек: коррупционеров, богатых, и таких, кого можно казнить без лишних раздумий.

Он задумался, предвкушая свое первое в жизни задание:

— Завтра. Завтра на утреннем докладе передадите мне.

Трое поклонились и собрались уходить. Чжао Линь вдруг вспомнил про свое задание по отметке в системе — он вообще отметился или нет?

Нет, Хо Цин уйти не может.

— Хо Цин, останься. Пиши прямо здесь.

<http://bllate.org/book/21338/2164919>